

УРОКИ БАЛТИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1989–2004 гг.: АКТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Никита БЕЛУХИН
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН;
Исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России
Владислав ВОРОТНИКОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ (кейс-метод) отношений стран Северной Европы со странами Балтии в 1989–2004 г. и с Украиной с 2014 г. по настоящее время. Цель исследования – выявить соотношение преемственности и трансформации в североευропейской дипломатии и ее задачах на постсоветском пространстве. Источником исследования послужили опубликованные материалы «Горбачев-Фонда», материалы Архива внешней политики Российской Федерации и воспоминания бригадного генерала М.Х. Клеммесена, курировавшего военное сотрудничество Дании со странами Балтии в 1990-х гг. Авторами рассмотрены сохранявшееся на заключительном этапе холодной войны и в условиях расширения контактов стран Северной Европы и обретших независимость стран Балтии значение «северного баланса», а также постоянное взаимодействие северных стран с ЕС и НАТО. Как в случае с поддержкой стран Балтии во время распада СССР и ослабления России, так и с началом Специальной военной операции Российской Федерации на Украине, страны Северной Европы, несмотря на принципиально разную военно-политическую ситуацию, приняли схожие шаги по отказу от прежней умеренности внешней политики, пересмотру внешнеполитических и оборонных концепций и большей интеграции в евроатлантические структуры. Главной же движущей силой как нынешнего содействия Украине со стороны Северной Европы, так и балто-скандинавского сотрудничества в 1989–2004 гг. остаются задачи противодействия России и ограничения ее сферы влияния.

Никита Евгеньевич Белухин – младший научный сотрудник, Отдел европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7505-2356. E-mail: belukhin@imemo.ru
117997, Москва, улица Профсоюзная, 23.

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки; ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)» (<https://rscf.ru/project/23-78-50012/>).

Поступила в редакцию: 09.08.2024

Принята к публикации: 18.11.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: финляндизация, страны Балтии, Балтийский регион, нейтралитет, Северная Европа, Специальная военная операция (СВО), региональная идентичность, европейская безопасность, тотальная оборона

Государства Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) являются малыми странами, обладающими сравнительно невысокой значимостью с точки зрения формирования структуры международных отношений. Это обуславливает специфику выбора ими внешнеполитических стратегий, выработки механизма поддержания собственного статуса и узнаваемости в международной политике, поиска оптимальных способов обеспечения безопасности. Российский исследователь Н.Ю. Кавешников отмечает, что положение этих стран исторически характеризовалось «невозможностью обеспечить собственную безопасность» в силу ограниченных ресурсов, что приводит их к необходимости выбора между тремя основными стратегиями поведения: 1) балансированием между державами; 2) получение гарантий безопасности, защиты или протектората со стороны великой державы; 3) создание издержек, которые бы способствовали невыгодности получения и поддержания контроля над территорией малой страны (Кавешников, 2008).

Рассматриваемые страны в разные периоды второй половины XX в. демонстрировали примеры использования всех указанных стратегий. Ход событий первой четверти XXI в. и в особенности последних двух лет (после февраля 2022 г.) показывает, что именно вторая стратегия стала доминантой для их внешнеполитического поведения. В этом контексте рассмотрение периода 1989–2004 гг. и его сравнение с нынешним отношением стран Северной Европы к Украине и к Специальной военной операции Российской Федерации (далее – СВО) и ее последствиям для региональной безопасности актуальны, так как именно солидарность со странами Балтии (Латвией, Литвой и Эстонией) в условиях распада СССР и биполярной системы международных отношений послужила для северных стран стимулом к пересмотру сформированных в период холодной войны внешнеполитических стратегий: в случае Швеции – политики нейтралитета и неприсоединения и отношений с ЕС и НАТО, а в случае Финляндии – «линии Паасикиви-Кекконена» на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. Для стран Балтии опыт взаимодействия со странами Северной Европы стал, по сути, первым на пути позиционируемого элитами этих государств «возвращения на Запад», ведь более крупные страны проявляли в «балтийском вопросе» большую сдержанность и не спешили оказывать поддержку прибалтийским республикам. Примечательно, что обсуждение вопроса установления отношений со странами Балтии министр иностранных дел Германии Г. Геншер 23 августа 1991 г. начал именно с консультаций с датским коллегой Уффе Эллеманн-Йенсеном (Портнягина, 2012).

В тот момент правительство Гельмута Коля отводило важное место переговорам со странами Северной Европы об их вступлении в ЕС, что должно было смягчить опасения о германской гегемонии в единой Европе после ее объединения. В начале 1990-х гг. страны Северной Европы также более активно и настойчиво поддерживали включение постсоциалистических государств ЦВЕ в ЕС, что делало их привлекательными партнерами для Германии, которая в лице Г. Коля говорила в тот период о необходимости углубления и расширения европейской интеграции (Uutela, 2021). Кроме того, Дания после окончания холодной войны также была одним из главных сторонников вступления трех стран Балтии в НАТО (Saxi, 2011).

Эти обстоятельства делают актуальным сравнительный кейс-анализ (англ. *"comparative case study"*) подходов стран Северной Европы к странам Балтии на исходе холодной войны и в период их последующей подготовки к вступлению в НАТО и ЕС и к современной Украине, которой они стремятся оказывать уже не только экономическую и политическую, как в случае со странами Балтии, но и прямую военную поддержку для противостояния России. Представляется, что опыт регионального взаимодействия со странами Балтии в указанные периоды оказал значительное влияние на текущее восприятие Украины и ряда других постсоветских государств, а также понимание принципов европейской солидарности и политической роли ЕС в северо-европейском регионе.

Метод сравнительного кейс-анализа уже закрепился в исследованиях международных отношений и применяется для рассмотрения и сравнения схожих внешнеполитических и дипломатических практик в группе стран, к примеру, как в случае функционирования и организации институтов культурной дипломатии в европейских странах (Kizlari & Fouseki, 2017), действий разных стран в аналогичных ситуациях, как в случае реакции КНДР и Индии на ограничительные экономические меры со стороны США (Singh & Lee, 2011) или процессов принятия внешнеполитических решений в одной стране, но в разных ситуациях, как в случае факторов присоединения Швейцарии к санкциям в отношении Ирака в 1990–1991 гг. и отсутствия такого же шага в отношении ЮАР в 1968–1994 гг. (Hirschi & Widmer, 2010). В рамках описанного подхода настоящая работа ставит целью сформулировать инвариант поведения государств Северной Европы в отношении стран Балтии во время их подготовки к интеграции в евроатлантические структуры и современной Украины, которая в 2010-е гг. выбрала схожую внешнеполитическую траекторию, так и в процессе анализа выявить особенности взаимодействия северных стран и восприятия ими трансформаций международной среды.

Северная Европа и страны Балтии в 1989–2004 гг.

В беседе с премьер-министром Швеции Ингваром Карлссоном 6 июня 1991 г. после Нобелевской лекции в Осло М.С. Горбачев специально обратился с просьбой к Стокгольму «не вмешиваться в происходящие события»

в Прибалтике, а «руководствоваться положениями Парижской хартии, Хельсинского Акта и Конституции СССР» (Из беседы с Ингваром Карлссоном..., 2010).

Норвежскую сторону прежде всего интересовал продолжающийся процесс разграничения в Баренцевом море: в 1980-х гг. СССР и Швеция заключили Договор о разграничении экономических зон и шельфа на Балтике, и М.С. Горбачев по вопросу определения российско-норвежской границы в Баренцевом море сохранял сдержанность, считая, что норвежцы после решения этой задачи могут потерять интерес к дальнейшему сотрудничеству и что лучше оставить ее «про запас и для дальнейшего обсуждения» (Из беседы с Гру Харлем Брундтланд..., 2010). В случае с Финляндией главное место занимали вопросы трансформации торгового сотрудничества двух стран и их переход к более обширному экономическому взаимодействию, в частности, созданию совместных советско-финских предприятий на Кольском полуострове. Глава Финляндии в этой связи, с одной стороны, заявлял, что Хельсинки «душновато» от повышенного внимания международных деловых кругов к советско-финским экономическим отношениям, а с другой – указывал на то, что «с советской стороны ждут больших по своей значимости проектов», в то время как руководство финских фирм «стремится к нахождению простых одномерных проектов, которые легко было бы реализовать» (Из беседы с Мауно Койвисто..., 2010). М. Койвисто также в 1989 г. подчеркивал, что масштабы запланированных проектов на Кольском полуострове действительно очень большие и что «общая стоимость их осуществления значительно превышает весь ежегодный государственный бюджет Финляндии», поэтому на этом направлении «требуется и более широкое международное сотрудничество» (Из беседы на выставке финской промышленности..., 2010).

Швеция, однако, вопреки просьбе М.С. Горбачева уже с середины 1980-х гг. активно налаживала контакты с прибалтийскими республиками, используя институты публичной дипломатии. В первую очередь, Шведский институт (швед. *"Svenska Institutet, SI"*) и позднее – шведское Агентство международной помощи развитию (швед. *"Styrelsen för internationellt utvecklingssamarbete, SIDA"*). При этом по аналогии с финским подходом и в отличие от Исландии Швеция придерживалась умеренности и не слишком активно предвосхищала будущую независимость стран Балтии (Lunden, 2021). Исландия же приняла ряд символических, но политически важных шагов по поддержке прибалтийского руководства в ходе их противостояния с Кремлем, на которые другие северные страны не решились из-за рисков и неопределенности последствий таких действий. Так, в январе 1991 г. сразу после столкновений в Вильнюсе и других литовских городах министр иностранных дел Исландии Джон Балдвин Ганнибальсон посетил сначала Литву, а позднее Латвию и Эстонию, в феврале того же года исландский парламент (альтинг) подтвердил, что довоенное признание независимости Литвы до сих пор в силе, а 26 августа 1991 г. после провалившегося путча в Москве, Исландия на встрече

с министрами иностранных дел трех стран Балтии в Рейкьявике стала первой страной, подписавшей декларации о возобновлении дипломатических отношений с этими странами (Johannesson, 2016). Впрочем, эта версия оспаривается Данией, считающей, что первенство принадлежит именно ей: по версии тогдашнего министра иностранных дел Дании У. Эллеманн-Йенсена¹, это произошло вечером 24 августа 1991 г., когда министерство иностранных дел направило соответствующий телекс².

Финляндия воздерживалась от подобных публичных действий в поддержку независимости стран Балтии и до августа 1991 г. продолжала рассматривать события в них прежде всего как внутренний вопрос СССР, указывая на то, что не пойдет на признание их независимости до соответствующего решения советского руководства. Это ценилось лично М.С. Горбачевым и нашло отражение в его письме к М. Койвисто от 5 февраля 1991 г. Вместе с тем, как отмечал в мемуарах президент Финляндии, это сталкивало умеренную позицию Хельсинки с более активным и напористым подходом Копенгагена, с которым Финляндии было трудно найти взаимопонимание по «балтийскому кризису» (Ritvanen, 2020).

Тем не менее после того, как Европейские сообщества и Швеция 27 августа 1991 г. признали независимость стран Балтии и заявили о готовности установить с ними дипломатические отношения, Финляндия, рискуя оказаться вне рамок общего североευропейского политического курса, 29 августа также подписала с тремя странами декларации о возобновлении дипломатических связей. Это стало прологом к ревизии Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. М. Койвисто уже 12 сентября 1991 г. обратился к М.С. Горбачеву с предложением подписать новый договор, который бы отражал изменившиеся реалии. В этом контексте примечательно, что для Финляндии большую роль в «балтийском вопросе» сыграл страх оказаться за пределами североευропейской идентичности, пространства *Norden*, что, как будет показано далее, повлияло и на решение Финляндии подать заявку 18 марта 1992 г. на вступление в ЕЭС/ЕС. К примеру, сторонники вступления Финляндии в ЕС подчеркивали, что этот вопрос касается географии и идентичности и видели в нем подтверждение избавления от негативного наследия «финляндизации», а также гарантию того, что влияние России больше в той или иной форме не вернется. Для них было также важно, чтобы Финляндия вступила

¹ В странах Балтии фигура У. Эллеманн-Йенсена, который занимал пост министра иностранных дел Дании в 1982–1993 гг., остается крайне популярной, и он воспринимается как один из наиболее активных борцов за их независимость. Подробнее см.: Eller E., Frigaard A.M. (2022) I de baltiske lande husker de stadig Uffe Ellemann-Jensens kamp for deres selvstændighed. *Danmarks Radio*, 19 June. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/i-de-baltiske-lande-husker-de-stadig-uffe-ellemann-jensens-kamp-deres> (accessed 12 October 2024).

² Plesner F. (2022) I 1991 fik han et opkald og skrev verdenshistorie – nu hyldest han i udlandet. *TV2*, 19 June. Available at: <https://nyheder.tv2.dk/politik/2022-06-19-i-1991-fik-han-et-opkald-og-skrev-verdenshistorie-nu-hyldes-han-i-udlandet> (accessed 13 July 2024).

в ЕС именно вместе со Швецией и Австрией, а не со странами Восточной Европы, чтобы избежать ложного восприятия страны как бывшего члена социалистического блока (Moisio, 2008).

В то же время, как подчеркивает российский исследователь Д.А. Ланко, неверно воспринимать «финляндизацию» как объективную характеристику внешней политики Финляндии периода холодной войны. В действительности «финляндизация» является идеологемой, впервые получившей распространение в ФРГ с целью критики противников повышения военных расходов, нарушителей блоковой дисциплины и большей интеграции в военные структуры НАТО, и которая вызывала негативную реакцию у большинства финнов во время холодной войны (Lanko, 2021). Эта идеологема используется правыми партиями в разных ситуациях и контекстах, но ее главная цель состоит в том, чтобы доказать безальтернативность вступления стран Балтии и Украины в НАТО, хотя в самой Финляндии этот термин, как указывает Д.А. Ланко, воспринимается отдельно от финской практической и концептуальной интерпретации «нейтралитета» и «внеблоковости» (Lanko, 2021). При этом, несмотря на идеологический характер «финляндизации», представляется важным отметить реально существовавший двойственный характер внешнеполитического курса Финляндии, который скорее правильнее обозначить не как «нейтралитет», а как «стремление к нейтралитету» и в рамках которого складывались предпосылки дальнейших изменений во внешней политике Финляндии уже в 1990-е гг.

С одной стороны – стремление Хельсинки сохранить низкую напряженность в североевропейском регионе, что проявлялось, к примеру, в готовности в ноябре 1965 г. начать обсуждения с Норвегией о договорных обязательствах запретить военные действия и учения в финляндско-норвежском пограничном районе и предложении о создании безъядерной зоны на севере Европы (Воронков, 2016). Примечательно в этом контексте, что на рубеже 1960-х–1970-х гг. У. Кекконен три раза – в 1968 г., 1969 г. и 1972 г. – предлагал СССР обменять г. Выборг на северо-восточный полярный район Финляндии, что могло вызвать раздражение у руководства НАТО, так как в этом случае граница Норвегии и СССР увеличилась бы почти в 3 раза (Фокин & Смирнов, 2012). А с другой стороны – более строгое по сравнению с северными соседями следование технологическому эмбарго в отношении СССР, что выразилось в том, что глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2», разработанные фирмой *"Rauma-Repola Oceanics"*, после длительных согласований с Вашингтоном были переданы СССР в 1987 г., но с уменьшенными технологическими возможностями, а сама компания после реализации советского проекта больше не принимала новых заказов. Взамен Финляндия, как ранее Швейцария, получила в соответствии с американским Законом о регулировании экспорта 1985 г. упрощенный доступ к импорту высокотехнологичной продукции из США и фактически стала «ассоциированным членом» Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (англ. *"CoCom"*), хотя официальных связей с этой организацией Хельсинки не устанавливал, чтобы избежать

угрозы своему «нейтралитету» и отношениям с Москвой. Швеция, в отличие от Финляндии, такого упрощенного доступа не получила, а в середине 1980-х гг. с ее территории было зафиксировано несколько крупных утечек засекреченных технологий на советскую территорию, чего Финляндии, напротив, удалось избежать (Jensen-Eriksen, 2019).

Если для Швеции стояла дилемма между вхождением в западный блок и сохранением принципов и выгод своей формулы «внеблоковости», то для Финляндии более однозначно стояли задачи присоединения к евроатлантическому сообществу и выхода из советской сферы влияния. При этом опыт позитивного взаимодействия с СССР, особенно в сфере торговли, способствовал тому, что Финляндия, в отличие от стран Балтии, вступив в ЕС, вначале не стала занимать к России априори критическую позицию, но пыталась решить с Москвой вопросы безопасности путем демократизации и налаживания пограничного сотрудничества, став инициатором политики «Северного измерения» и расширяя экономические контакты. Подобная политика, в свою очередь, запустила процесс активного проникновения североευропейских НКО в российское и постсоветское пространство: стратегия демократизация России воспринималась в северных столицах как способ обеспечения будущей безопасности.

Североευропейская солидарность и унификация стратегий

Сложно не согласиться с мнением североευропейских исследователей-международников, которые писали, что распад СССР и биполярной системы стал стимулом для их стран в переоценке своего внешнеполитического курса времен холодной войны. Так, Финляндия и Швеция присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира», стали наблюдателями в Западноευроевропейском союзе (прекратил существование в 2011 г.) и активно поддерживали развитие полномочий ЕС в сфере внешней политики и обороны, хотя и отводили ему в первую очередь выполнение миротворческих задач. В то же время между странами Северной Европы на протяжении 1990-х и в начале 2000-х гг. сложилось негласное разделение труда и приоритетов при взаимодействии со странами Балтии.

Как отмечал российский исследователь-скандинавист К.В. Воронов, эти страны стали для Северной Европы периферией, которая требовала «постоянной политической заботы и дипломатической поддержки», но, к примеру, Швеция, в отличие от Дании, настороженно относилась к стремлению стран Балтии стать членами НАТО «любой ценой» и скорее полагала, что их безопасность может быть обеспечена через интеграцию в ЕС и использование концепции «мягкой безопасности» путем участия в многообразных сетях сотрудничества. По этой же причине Швеция не проявила интереса к идее Вашингтона взять временное «шефство» над странами Балтии и предоставить им военно-политические гарантии до их вступления в НАТО, которая была высказана в марте 1996 г. и вновь прозвучала в ходе визита премьер-министра Й. Перссона в Вашингтон в августе 1996 г. (Воронов, 1999). Вполне возможно,

что отчасти из-за такой шведской позиции президент США Билл Клинтон решил отменить планировавшийся на лето 1997 г. ответный визит в Стокгольм. И вместо шведской столицы предпочел посетить Копенгаген, где этого давно добивался посол США в Дании, литовец по происхождению, Эдвард Элсон (Dahl, 2008). В Дании же президентский визит был воспринят как признание Вашингтоном датских внешнеполитических достижений на балтийском направлении.

В то же время вступление Финляндии и Швеции в ЕС сгладило внешнеполитические различия между северными атлантистами (Данией, Норвегией и Исландией) и прежними нейтралами (Швецией и Финляндией). При этом планы по расширению НАТО в 1990-е гг. влияли и на сложившуюся практику самоограничений североевропейских членов альянса. Так, Норвегия в этот период ослабила запрет на проведение натовских учений восточнее 24-ого меридиана в Финнмарке.

Финляндия сосредоточилась на всеобъемлющем сотрудничестве с Эстонией. Швеция, не имея членства в НАТО, главным образом уделяла внимание экономическим инициативам, стремясь оспорить лидерство Копенгагена, который, напротив, сделал большую ставку на военное сотрудничество с тремя новыми независимыми республиками. Это, по всей видимости, объясняется отчасти схожим историческим опытом Дании и стран Балтии, которым приходилось учитывать интересы более сильных соседей – будь то Германия или Россия.

Планирование и реализация программ помощи странам Балтии стали первым подобным опытом для стран Северной Европы на постсоветском пространстве и в дальнейшем послужили отправной точкой для разработки соответствующих инициатив и для других стран. В случае Дании неудачный опыт косвенного экономического соперничества со Швецией за страны Балтии, по всей видимости, подтолкнул развитие экономической дипломатии, то есть активную работу датских посольств над продвижением датского экспорта и предприятий на иностранных рынках, оказание им юридической, информационной и политической поддержки. До настоящего времени этот вид деятельности составляет значительную часть работы датских дипломатов за рубежом, а датский Экспортный совет (дат. *"Eksportråd"*) в рамках Министерства иностранных дел был создан еще в 2000 г. Датский МИД проявил в этом вопросе особую решимость и, несмотря на сопротивление Министерства промышленности и торговли и Министерства продовольствия, полностью взял на себя задачи расширения экспорта датской продукции и услуг (Iversen, 2002).

Дания на протяжении 1990-х гг. наряду с Германией активно участвовала в реструктуризации, обучении и модернизации польских вооруженных сил для подготовки вступления страны в НАТО, а в 1998 г. даже планировала послать своих военных в Россию для преподавания в тогдашней Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Схожесть исторического опыта Дании и стран Балтии отмечает в своих воспоминаниях и датский военный Микаэль Хессельхофт Клеммесен, который в 1994–1997 гг. работал военным атташе в Латвии и Эстонии и позднее в 1997–2004 гг. возглавлял Балтийский оборонный колледж (англ. *"BALTDEFCOL"*) в Тарту. В статье для юбилейного сборника, посвященного 800-летию отношений Дании и Эстонии (1219–2019), он подчеркивает роль министра обороны Ханса Хеккерупа, который, заняв пост в конце января 1993 г., обозначил в качестве одной из главных задач вооруженных сил Дании на ближайшие годы оказание поддержки странам Балтии и их привлечение к операциям на территории бывшей Югославии. В частности, Дания руководила проектом создания совместного балтийского миротворческого батальона (англ. *"BALTBAT"*), решение о создании которого было принято 19 ноября 1993 г. (Clemmesen, 2019).

М.Х. Клеммесен, основываясь на личных воспоминаниях, говорит о том, что в начале 1990-х гг. как между странами Балтии, так и внутри них между отдельными людьми и министерствами наблюдалась «глубокая нехватка настоящего доверия». Ситуация начала меняться, главным образом, за счет внешней поддержки и общих проектов под иностранным руководством. Однако для их реализации также приходилось прикладывать особые усилия. К примеру, для реализации проекта совместной балтийской эскадры минных тральщиков (англ. *"BALTRON"*) М.Х. Клеммесену пришлось лично убеждать командующего литовских ВМС в оправданности этой идеи, а в случае с общей системой мониторинга воздушного пространства для всех трех стран (англ. *"BALTNET"*) возникли разногласия, где именно должен размещаться ее центр. Эстония выдвигала тезис о своей технической продвинутости, Латвия – о том, что логичнее всего разместить этот объект в центре субрегиона, а Литва – об уже начавшейся модернизации национальной системы слежения за воздушным пространством, которую можно расширить для того, чтобы охватить две другие страны. Для решения этой задачи М.Х. Клеммесен говорил с министром транспорта и коммуникации Эстонии Райво Варе и убеждал его поддержать литовскую сторону, где в Кармелаве рядом с Каунасом и был размещен центр управления этой системой.

Создание Балтийского оборонного колледжа также рассматривалось как инструмент сплочения стран Балтии, формирования общей стратегической культуры и прекращения разногласий по поводу получения военной помощи и реализации общих инициатив. В то же время, по воспоминаниям М.Х. Клеммесена, Эстония была единственной страной из трех, которая скептически отнеслась к ставшей распространенной на рубеже 1990-х–2000-х гг. экспедиционной модели вооруженных сил, рассчитанной на участие в международных операциях, не отменив общий воинский призыв и ориентируясь, с одной стороны, на организацию эстонской армии в межвоенный период, а с другой – на систему тотальной обороны соседней Финляндии. Особенно активно за применение в Эстонии финского и межвоенного опыта выступали начальник Штаба сил обороны Антс Лаанеотс, который построил карьеру

в вооруженных силах СССР, и второй министр обороны Эстонии Хайн Ребас. Но, как отмечает М.Х. Клеммесен, в возможность оказать реальное, а не символическое сопротивление потенциальному вторжению России среди эстонских политиков мало кто всерьез верил, и, к примеру, восстановление межвоенного Кайтселиита (эст. *"Kaitseliit"*), как и изучение партизанской тактики «лесных братьев», скорее носило идеологический, а не практический характер. При этом, как свидетельствует высший военный офицер Матти Луккари, военное сотрудничество Эстонии и Финляндии начало стагнировать с середины 1990-х г., когда Таллин взял курс на вступление в НАТО (Lukkari, 1996).

М.Х. Клеммесен критиковал рекомендации военных советников из США и Великобритании и нежелание Латвии и Литвы под воздействием негативно-го восприятия наследия «милитаризованного» советского общества активно вкладываться в создании вооруженных сил, способных защищать территорию страны от потенциальной агрессии, вместо опоры на несбалансированные аэромобильные соединения и группировки войск, предназначенные для международных операций и кризисного урегулирования. Недалековидность такого подхода, его несоответствие историческому опыту и реальным потребностям стран Балтии, по его мнению, начали все острее осознаваться после вооруженного столкновения России и Грузии в августе 2008 г.³ Финляндия же, к примеру, напротив, изначально больше фокусировалась, главным образом, на задачах модернизации и укрепления национальных вооруженных сил, что объясняется протяженной границей с Россией и, в отличие от Швеции, четко указывала в стратегических документах на возможность вступления в НАТО (Haas, 2022).

Как отмечает скандинавист, первый посол Российской Федерации в Финляндии в 1992–1996 гг. Ю.С. Дерябин, сама Финляндия на протяжении 1990-х гг. пересматривала подход к обеспечению национальной безопасности более быстро и радикально, чем соседняя Швеция, особенно в период президентства Марти Ахтисаари. Последний, в сущности, закрепил возможность вступления Финляндии в НАТО без учета интересов России и проводил активную, хотя и скрытую интеграцию финских вооруженных сил в структуры альянса. Главной же причиной вступления Финляндии в ЕС, как писал в мемуарах президент М. Койвисто, были, прежде всего, соображения обеспечения безопасности, а экономические мотивы отошли на второй план. В Швеции правительство обосновывало необходимость подачи заявки на вступление в тогда еще Европейские сообщества преимущественно потребностью выхода из рецессии (Дерябин, 2003).

Характерна в этой связи также изначально негативная реакция руководства Финляндии на решение Швеции подать заявку на вступление в ЕЭС 1 июля 1991 г. без предварительного согласования с Хельсинки. Это делало

³ Clemmesen M.H. (2011) Om baltiske syn på den svenske Rigsdags solidaritetserklæring. 21 March. Available at: https://www.clemmesen.org/articles/Bidrag_til_KKrVA_Studien_med_korrektur_marts_2011.pdf (accessed 13 July 2024).

неизбежным и аналогичный финский шаг и сопутствующий пересмотр внешнеполитического курса. Хотя на тот момент финские деловые круги еще рассчитывали на сохранение особых торговых отношений с Россией (Penttilä, 1994). Так, М. Койвисто два раза посетил Москву в 1991 г. для проведения переговоров о советско-финляндских экономических связях.

Другим подтверждением важности слаженности и учета интересов соседних северных стран можно считать слова У. Пальме, который на 24-ом съезде Социал-демократической партии Швеции в октябре 1969 г. заявлял, что «северное сотрудничество должно лежать в основе внешней политики Швеции» (АВП РФ... Итоги XXIV съезда социал-демократической партии Швеции. Политическое письмо. 13 ноября 1969 г.). При этом северное сотрудничество не исключало расхождений стран Северной Европы в подходах к более крупным проектам европейской интеграции: «Одним из неясных вопросов в планах СЭС (Северного экономического союза или Нурдэка, на шведском – *Organisationen för nordiskt ekonomiskt samarbete*, сокращенно *Nordek*. прим. авт. (*Nordiskt samarbete i...* 2016)) является вопрос об отношениях стран-членов этого союза с Общим рынком. Если Норвегия и Дания рассматривают СЭС как шаг на пути к присоединению северных стран к Общему рынку, то финляндское правительство заявляет, что Финляндия не присоединится к Общему рынку и выступает за то, чтобы СЭС был устойчивым самостоятельным объединением. Швеция, как известно, также поставила в 1967 г. вопрос о переговорах о присоединении к Общему рынку, не предопределяя форму участия, но допуская полное членство при оговорках, имеющих целью обеспечение возможности продолжать политику нейтралитета. Таким образом, позиции северных стран в вопросе об отношении к ЕЭС весьма различны. Поэтому, хотя представители Дании, Норвегии и Швеции заявляют о своей заинтересованности вступить в Общий рынок, однако как решится этот вопрос в будущем, в настоящее время трудно предвидеть, тем более, что многое будет зависеть от развития в самом Общем рынке». (АВП РФ... Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.).

С учетом этих сведений негативное отношение Финляндии к решению Швеции подать заявку на вступление в Европейские сообщества без предварительного согласования или координации с Хельсинки становится более понятным. Так, еще ранее во время обсуждения планов создания НОРДЭК в 1968–1970 гг., от участия в которых Финляндия в итоге отказалась в марте 1970 г., У.К. Кекконен в письме от 7 января 1970 г. на тот момент к премьер-министру М. Койвисто, указывая на несовместимость политических требований «Общего рынка» с финским внешнеполитическим курсом, подчеркивал: «... расширение ЕЭС за счет вступления в него некоторых северных стран не соответствует интересам Финляндии» (Комиссаров, 1985).

Подобная «цепная реакция» в регионе на завершающих этапах холодной войны является одной из показательных иллюстраций практики «северного баланса». Ранее еще в разгар биполярного противостояния на рубеже

1961–1962 гг., когда в заключительной стадии находилось создание совместного германо-датского командования НАТО в районе Балтийских проливов (англ. *"COMBALTAP"*), СССР потребовал военных консультаций с Финляндией из-за возросшего военного влияния ФРГ в Северной Европе. Это, в свою очередь, привело к угрозе со стороны министра обороны Норвегии Гудмунда Харлема пересмотреть запрет на размещение баз НАТО на своей территории в мирное время в случае изменения ситуации в Финляндии и активным обсуждениям в Швеции о возможности вступления в свете «советской угрозы для Финляндии». Сложившаяся ситуация и последующий отзыв Н.С. Хрущевым советских требований стали первой демонстрацией функционирования «северного баланса» и тесной связи балтийского и северного, арктического векторов оборонной политики стран Северной Европы (Nørgaard, 1998). В схожем ключе в связи с наращиванием с середины 1970-х гг. группировки ВМС стран ОВД в Балтийском море Дания приняла в 1978 г. решение НАТО о повышении реальных расходов на оборону на 3%.

С другой стороны, у исследователей нет однозначного ответа на вопрос, в какой степени «северный баланс» действительно влиял на оборонное планирование и внешнюю политику отдельных стран региона по сравнению с другими факторами, к примеру, историческим опытом. Так вступление Дании как первой североευропейской страны в ЕЭС 1 января 1973 г. создало ощущение в Москве и северных столицах, что Дания собирается покинуть структуры северного сотрудничества и более прочно интегрироваться в евроатлантическое сообщество, на что указывало повышенное внимание к позициям других стран региона при принятии и планировании внешнеполитических решений. Письмо посольства СССР в Швеции от 22 апреля 1969 г. под названием «Швеция и планы создания Северного экономического союза» подтверждало эту точку зрения: страны Северной Европы планировали «расширение сотрудничества в международных организациях, в т.ч. с Общим рынком» с расчетом на то, что «северные страны должны пытаться урегулировать свои отношения с Общим рынком одновременно» (АВП РФ...Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.).

Но в случае стремления Дании в годы холодной войны всячески избегать провокационных мер и шагов по эскалации военной напряженности в отношениях с СССР речь, скорее, может идти о влиянии наследия датского нейтралитета и исторического опыта страны, нежели именно внимании к интересам национальной безопасности и позиции других стран Северной Европы.

В подтверждение этой двойственности можно также отметить, что для Швеции в годы холодной войны приоритетом оставалась оборона юга и центральной части страны, в то время как оборона севера воспринималась как крайняя мера в случае отсутствия других угроз. Это, по мнению норвежского исследователя и командора ВМС Норвегии в отставке Тора Эгила Уолтера, который в 1974–2014 гг. служил в вооруженных силах и работал в Министерстве обороны Норвегии, не вполне осознавалось норвежскими военными (Walter,

2018). К примеру, отдельные документы и оценки норвежской военной разведки указывают на то, что строительство укреплений на реке Каликсэльвен в Швеции делало стратегически привлекательным для СССР возможный захват части шведской территории для последующей организации быстрого нападения на Северную Норвегию к югу от оборонительной линии Фрой (норв. *"Frøy-linje"*) в фюльке Тромс, которая начала возводиться в начале 1980-х гг. В то же время отсутствие формального союза Норвегии и Швеции в период холодной войны компенсировалось с одной стороны военно-техническим сотрудничеством, а с другой – неформальными связями шведских и норвежских военных, которые проходили обучение в Швеции после Второй мировой войны, причем эти связи порой носили личный дружеский характер и не всегда были согласованы высшим политическим руководством (Walter, 2018).

Подводя итог, меры по подготовке к вступлению в НАТО и ЕС, а также общие региональные проекты оборонного сотрудничества, координируемые внешними западными партнерами, должны были также сплотить страны Балтии и повысить уровень доверия и солидарности между ними, который, несмотря на их общие действия по выходу из СССР, оставался невысоким. Страны Северной Европы взяли на себя ведущую роль в реализации этих задач, и при этом для них самих их выполнение стимулировало начавшийся пересмотр концепций внешней политики и сближение с евроатлантическими структурами. Кроме того, северные страны в ходе этих процессов, как и в годы холодной войны, весьма тщательно отслеживали внешнеполитические шаги друг друга и отношения со странами Балтии. И реагировали на них, адаптируясь к меняющейся ситуации. Тем не менее, сами страны Балтии за годы сотрудничества так и не были включены в «северный клуб» или пространство *Norden*: его «ядро», даже открытое к сотрудничеству с бывшими странами восточного блока, оставалось привилегированным и доступным лишь для стран самой Северной Европы (Lehti, 2006).

Кроме того, в докладе, подготовленном бывшим министром обороны Дании Сереном Гаде и бывшим премьер-министром Латвии Валдисом Биркавсом по запросу министерств иностранных дел их стран о сотрудничестве северных стран с прибалтийскими странами (NB8) и представленном в августе 2010 г., отмечалось отсутствие должного уровня политического сотрудничества, общих политических целей и задач. При этом отмечались наличие развитой структуры формальных и неформальных парламентских и правительственных контактов и активное проникновение североευропейских компаний в экономику стран Балтии «через прямые инвестиции и партнерства»⁴. В докладе указывалось, что снижение активности политического сотрудничества стран Балтии и Северной Европы произошло после вступления первых в ЕС и НАТО в 2004 г., что подтверждает гипотезу о том, что главным

⁴ Birkavs V., Søren G. (2010) NB 8 Wise Men Report. Riga, Copenhagen, August, 22 p. *Stjórnarráð Íslands*. Available at: <https://www.stjornarradid.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/skyrslur/nb8-wise-men-report.pdf> (accessed 12 July 2024).

и изначально его драйвером была интеграция новых стран в евроатлантические структуры, открытие новых рынков для североευропейских деловых кругов и, что немаловажно, выведение этих стран из сферы экономического и политического влияния России. Именно общая «российская угроза» и задачи противодействия России были и остаются основным фактором активизации балто-скандинавского сотрудничества, в то время как исторические и культурные факторы близости стран Северной Европы и Балтии имеют второстепенное значение.

Характерно в этой связи, что в ноябре 1993 г. премьер-министр Швеции К. Бильдт заявил, что действия Швеции по активной поддержке стран Балтии в начале 1990-х гг. являются оправданием и искуплением за политику «оглушительного молчания» в отношении этих стран после 1945 г., которую проводили «левые силы в шведском обществе» (Петренко, 2007). При этом, до публикации упомянутого доклада в декабре 2005 г., датская газета *"Politiken"*, популярная среди избирателей левых и левоцентристских партий, отмечала растущее разочарование стран Балтии в способности североευропейских соседей стать «мостом» между «старой» и «новой» Европой, существенное снижение масштабов военной помощи и консультаций со стороны Копенгагена, а также невнимание северных соседей к тем угрозам безопасности, которые для балтийских стран может представлять Россия⁵. Так, к примеру, Финляндия до осени 2001 г. не имела четкой позиции по вопросу включения стран Балтии в НАТО и в целом намного более настороженно относилась к его восточному расширению по сравнению с северными соседями, считая, что этот процесс может потенциально лишить Хельсинки свободы выбора в вопросах безопасности (Honkanen, 2002). Еще раньше в 1999 г. другая крупная датская газета *"Information"* писала, что интерес к странам Балтии в датских СМИ и среди деловых кругов после ухода российских войск из Эстонии и Латвии в 1994 г. сильно упал (*Information*).

После 24 февраля 2022 г. Дания уже в начале марта приняла решение увеличить дипломатическое присутствие в странах, которые рассматриваются как потенциальные будущие члены ЕС. Так, в мае 2023 г. состоялось официальное открытие посольства Дании в Грузии, подготовка к которому велась с сентября 2022 г.⁶, а в январе 2024 г. состоялось открытие посольства Дании в Молдавии, с которой, согласно решению Европейского совета в декабре 2023 г., должны начаться переговоры о приеме в ЕС⁷. Кроме того, Дания

⁵ Особенное недовольство стран Балтии на тот момент вызвал малый интерес стран Северной Европы к организации совместного патрулирования воздушного пространства в контексте крушения в ноябре 2005 г. российского Су-27 на территории Литвы. Подробнее см.: *Politiken* (2005) Baltere vil ikke vente på Norden. 2 December. Available at: <https://politiken.dk/debat/kroniken/art4864913/Baltere-vil-ikke-vente-p%C3%A5-Norden> (accessed 12 October 2024).

⁶ Gille A.D. (2023) Lokke åbner dansk ambassade hos Ruslands nabo i Georgien. *Danmarks Radio*, 14 May. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/seneste/loekke-aabner-dansk-ambassade-hos-ruslands-nabo-i-georgien> (accessed 13 March 2024).

⁷ *Ritzau* (2024) Udenrigsministeren åbner Danmarks ambassade i Moldova. 25 January Available at: <https://via.ritzau.dk/pressemeddelelse/13775029/udenrigsministeren-abner-danmarks-ambassade-i-moldova?publisher-id=2012662&lang=da> (accessed 13 June 2024).

в ноябре 2023 г. заявила, что планирует также открыть посольства в Боснии и Герцеговине, которая в 2022 г. наряду с Украиной получила статус кандидата на членство в ЕС, и Малайзии⁸. Дания при обозначении постсоветских стран употребляет словосочетание «восточные прифронтовые государства» (дат. *“østlige frontlinjestater”*), указывая на их близость к потенциально «угрожающей России».

В ноябре 2023 г. шведский еврокомиссар по внутренним делам Илва Йоханссон заявила, что «геополитическая ситуация изменилась» и ЕС должен приложить больше усилий для осуществления нового восточного расширения, что совпадает и с национальными приоритетами Швеции как одного из инициаторов Восточного партнерства⁹. Примечательно и то, что в новом составе Европейской комиссии после выборов 2024 г. образовалась финско-литовская связка из финки Хенны Виркунен, которая заняла пост исполнительного заместителя главы ЕК по вопросам технологического суверенитета, безопасности и демократии, и находящегося под ее началом еврокомиссара по вопросам оборонной политики (должность учреждена впервые) литовца Андриуса Кубилюса. Так вопросы оборонной интеграции в ЕС сейчас оказались под совместным ведением стран Балтии и Северной Европы¹⁰.

Параллели украинского кризиса

Сегодня, как и в случае со странами Балтии и, пожалуй, даже более важное значение приобретает военное сотрудничество стран Северной Европы с Украиной. К примеру, Норвегия помимо поставок вооружений и военной техники взяла на себя курирование работы украинского агентства оборонных закупок в соответствии со стандартами НАТО¹¹. В целом по сравнению с периодом до февраля 2022 г. военное сотрудничество стран Северной Европы и Украины перестало носить символический характер. Если ранее, к примеру, Швеция выступала против поставок летального вооружения на Украину, но направляла военных советников, Дания ограничивалась главным образом поставками GPS-навигаторов и программами подготовки украинских военных, а Норвегия – гуманитарной помощью, то сейчас все страны региона, за исключением Исландии, которая фокусируется на гуманитарных аспектах, медицинской помощи и разминировании, направили на Украину крупные партии вооружений и военной техники. Однако в авангарде здесь оказалась

⁸ Overgaard J.W. (2023) Danmark vil åbne tre nye ambassader – og frede én fra lukning. *Altinget*, 16 November. Available at: <https://www.altinget.dk/artikel/danmark-vil-aabne-nye-ambassader-i-bosnien-herzegovina-moldova-og-malaysia> (accessed 14 June 2024).

⁹ Lindberg A. (2023) Ukraina i EU blir ett långfinger till Putin. *Aftonbladet*, 11 November. Available at: <https://www.aftonbladet.se/ledare/a/2BOIjy/ukraina-i-eu-blir-ett-langfinger-till-putin> (accessed 15 June 2024).

¹⁰ Lindahl B. (2024) Security Issues Drive Political Changes in Nordics and EU. *Nordic Labour Journal*, 19 September. Available at: <http://www.nordiclabourjournal.org/nyheter/news-2024/article.2024-09-18.0857314011> (accessed 13 October 2024).

¹¹ *Forsvarsmateriell* (2023) Norge skal lede forsvarsmateriellarbeidet i Ukraina fra NATO-nivå. 6 September. Available at: <https://www.fma.no/aktuelt-og-media/2020/norge-skall-ede-forsvarsmateriellarbeidet-i-ukraina-fra-nato-niva> (accessed 24 June 2024).

Литва, которая еще в 2015 г., то есть даже раньше США, пусть и символически, но на официальном правительственном уровне начала поставки летального вооружения на Украину: на тот момент речь шла по большей части о старых образцах советского стрелкового оружия и боеприпасов к ним (Воротников, 2017).

В то же время практическое значение сотрудничества этих стран и Украины до 24 февраля 2022 г. вызывает сомнения. Так, поставки обещанных в августе 2023 г. Данией и Нидерландами истребителей *F-16*, первые из которых планировалось доставить на Украину уже в конце 2023 г., были перенесены на лето 2024 г., что объяснялось отсутствием на территории Украины необходимой инфраструктуры и логистики, недостатком квалифицированных кадров и длительной подготовкой украинских пилотов¹². В середине августа 2024 г. Министерство обороны Дании сообщило, что первые *F-16* были доставлены на Украину, но министерство не уточнило, сколько именно единиц техники было поставлено¹³. При этом в сентябре 2024 г. во время визита на Украину министр обороны Дании Троэльс Лунд Поульсен заявил, что Киев до конца года получит от датской стороны еще одну партию истребителей, но из «соображений безопасности» точная дата и количество не сообщались¹⁴.

Помимо военных поставок, Дания также оказывает содействие в проведении реформ правоохранительных органов Украины и «взяла особую ответственность за реконструкцию города Николаева». При этом датские эксперты проводят параллели между этими шагами и событиями 1989 г., то есть выходом Восточной Европы из советской сферы контроля, напрямую обозначая датскую помощь как инструмент снижения влияния России в этом регионе, как и в случае со странами Балтии в 1990-х гг.¹⁵ В то же время отдельные датские эксперты отмечают, что «датская русофобия зашла слишком далеко» и что «...наше высокомерие, основанное на политике ценностей, втянуло украинцев в разрушительную войну с огромными людскими и материальными потерями». Ханс Моуритцен, старший научный сотрудник Датского института международных исследований (англ. "*DIIS*"), отмечает, что ложные обещания о постоянной и безоговорочной поддержке, по всей видимости, лишь поспособствовали нежеланию Киева к ведению конструктивного диалога с Россией¹⁶.

¹² Forsvarsministeriet (2024) Ukraine kan forvente at modtage de første danske F-16-kampfly til sommer. 22 February. Available at: <https://www.fmn.dk/da/nyheder/2024/ukraine-kan-forvente-at-modtage-de-forste-danske-f-16-kampfly-til-sommer/> (accessed 16 March 2024).

¹³ Forsvaret (2024) Danske F-16 kampfly doneret til Ukraine. 12 August. Available at: <https://www.forsvaret.dk/da/nyheder/2024/danske-f-16-kampfly-doneret-til-ukraine/> (accessed 13 October 2024).

¹⁴ AvisenDanmark (2024) Ukraine får flere danske F-16-kampfly leveret i år. 15 September. Available at: <https://avisendanmark.dk/danmark/ukraine-faar-flere-danske-f-16-kampfly-leveret-i-aar> (accessed 13 October 2024).

¹⁵ Hansen F.S. (2024) Vovet dansk udviklingsplan kan knække Moskvas kontrol i Østeuropa. *DIIS*, 6 May. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/vovet-dansk-udviklingsplan-kan-knaekke-moskvas-kontrol-oesteuropa> (accessed 30 June 2024).

¹⁶ Mouritzen H. (2022) Neutralitet for Ukraine kræver iskold realpolitik. *DIIS*, 16 May. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/neutralitet-ukraine-kræver-iskold-realpolitik> (accessed 3 July 2024).

В этом проявляется преемственность 1990-х гг., когда, по мнению датского исследователя Миккеля Рунге Олесена, в ходе поддержки прибалтийских республик на их пути к выходу из состава СССР и к независимости были заложены основы современной «активистской» внешней политики Дании после холодной войны¹⁷. По его мнению, главной причиной опережающей и более активной по сравнению с другими европейскими странами и США позиции Дании в «балтийском вопросе» и желания скорейшей интеграции этих стран в НАТО и ЕС было стремление отдалить бывшую линию разграничения между двумя блоками, отодвинуть «российскую угрозу» от датских границ и тем самым создать более безопасный, в представлении Дании, Балтийский регион (Olesen, 2022).

В этом контексте показательно, что, как и ранее в ситуации со странами Балтии, Стокгольм в отличие от Копенгагена проявляет большую сдержанность в военной поддержке Украины. В сентябре 2023 г. шведское правительство даже подверглось критике за недостаточное по сравнению с соседями содействие Киеву. С февраля 2022 г. по июль 2023 г., по данным Кильского института, объем средств на поддержку Украины за исключением средств, перечисленных через механизмы ЕС, составил 0,41% от ВВП Швеции, в то время как за тот же период для Норвегии этот показатель составил 1,71%, для Дании – 1,06% и для Финляндии – 0,52%¹⁸.

По аналогии со странами Балтии наступательный национализм украинского руководства не отпугнул от сотрудничества страны Северной Европы, которые болезненно относятся к росту популярности правых партий в своей внутренней политике (что отличает сегодняшнюю ситуацию от начала 1990-х гг.). Хотя, как отмечает исследователь В.А. Оленченко, «национализм» новых прибалтийских элит, пришедших к власти, сочетался с их давним желанием быть витриной для западного мира и почти сразу же проявившейся открытостью к принятию моделей управления и стандартов ЕС и НАТО, что вызывает сомнения в подлинности такого «национализма и сепаратизма» (Оленченко, 2023).

Другим отличием от ситуации начала 1990-х гг. является активизация военного строительства внутри ЕС и повышенный интерес стран Северной Европы к этому процессу и механизмам сотрудничества между НАТО и ЕС. В частности, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт в декабре 2023 г. заявил, что странам Северной Европы предстоит перейти от мышления в национальных границах к обеспечению совместной обороны всего региона и к расширению и упрощению сотрудничества

¹⁷ Nielsen A.B. (2024) Da Danmarks frontlinje blev rykket mod Øst. *DIIIS*, 20 April. Available at: <https://www.diiis.dk/node/25614> (accessed 12 July 2024).

¹⁸ Törnquist H. (2023) Sveriges stöd till Ukraina sticker ut i Norden. *Svenska Dagbladet*, 22 September. Available at: <https://www.svd.se/a/15prXI/sverige-ger-minst-pengar-till-ukraina-av-nordiska-landerna> (accessed 1 July 2024).

между НАТО и ЕС¹⁹. Кроме того, по его мнению, Дании и Швеции стоит задуматься о полноценном присоединении к еврозоне, а Норвегии – о возобновлении дискуссий по поводу вступления в ЕС. Норвегия, по всей видимости, опасаясь периферийного положения и политической маргинализации из-за отсутствия полноценного членства в ЕС, попыталась компенсировать этот недостаток, подписав в мае 2024 г. соглашение об оборонном сотрудничестве с ЕС, стремясь придать контактам в этой сфере более регулярный и институционализированный характер²⁰.

Заключение

Описанные в исследовании действия стран Северной Европы демонстрируют, что они стремятся играть особую роль в расширении ЕС и НАТО, выступая в качестве проводников в евроатлантические структуры – сперва для стран Балтии, а на актуальном этапе для стран Восточного партнерства – и максимально ограничить влияние России на эти страны и ее контакты с ними. При этом позиция Финляндии в отношении вступления в ЕС стран Балтии определялись не только соображениями безопасности, но и опасениями не соответствовать североевропейской идентичности и вызвать ассоциацию страны с бывшим социалистическим блоком. В случае со странами Балтии особенно выделяется позиция Дании, которая стремилась быть для них «проводником» в структуры НАТО. Швеция же в этом вопросе имела более сдержанную позицию и фокусировалась на экономических инициативах. Однако с получением полноценного членства в альянсе ее подход уже в случае отношений с Украиной становится более оформленным и жестким.

Российский скандинавист А.А. Комаров в 2008 г. сформулировал это так, что образ Швеции в России утратил привычный элемент «шведского нейтралитета», который в годы холодной войны служил положительным примером. В самой Швеции в первой половине 1990-х гг. развернулись дискуссии по поводу необходимости придерживаться нейтралитета во время биполярного противостояния: не сделала ли Швеция ради его сохранения слишком много уступок противостоящим блокам и не была ли слишком мягкой по отношению к советской стороне (Комаров, 2008). Вероятно, именно эта рефлексия легла в основу переосмысления Швецией и соседней Финляндией своего международно-политического статуса в последние два года.

В заключение полагаем важным акцентировать: как в ситуации обретения независимости прибалтийскими государствами, когда речь шла об ослаблении России, так и в нынешней обстановке вокруг Украины, когда речь

¹⁹ Ehrenreich M. (2023) Sveriges tidigare statsminister maner til ro: En Trump-sejr får ikke nødvendigvis forsvaret for Ukraine til at kollapse. *Altinget*, 20 December. Available at: <https://www.altinget.dk/artikel/carl-bildt-der-bliver-foerst-fred-naar-ukraine-er-medlem-af-eu> (accessed 15 June 2024).

²⁰ Norge og EU inngår avtale om forsvars- og sikkerhetspolitisk samarbeid. (2024) *Regjeringen*, 28 May. Available at: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-og-eu-inngar-avtale-om-forsvars-og-sikkerhetspolitisk-samarbeid/id3040958/> (accessed 3 July 2024).

идет о повышении роли России на международной арене, страны Северной Европы принимают схожие решения. Они связаны с большей солидарностью с евроатлантическим сообществом и постсоветскими странами, углублением интеграции в институты ЕС и НАТО и отказом от бывших ранее особых позиций, традиций и оговорок во внешней и оборонной политике. Это указывает на долгосрочный стратегический курс этих государств на противостояние российским интересам на европейском направлении даже при наличии уступок и готовности к диалогу со стороны Москвы.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф. 0140. ОП. 60. П. 222. Д. 2. Л.3-16. Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.
2. АВП РФ. Ф. 0140. ОП. 60. П. 222. Д. 2. Л.40-55. Итоги XXIV съезда социал-демократической партии Швеции. Политическое письмо. 13 ноября 1969 г.
3. Воронков Л.С. (2016) *«Северное сотрудничество» и особенности североевропейской интеграции*. Москва, Издательство «МГИМО-Университет», 340 с.
4. Воронов К.В. (1999) Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы). *Северная Европа. Проблемы истории* (3): 265-284.
5. Воротников В.В. (2017) Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения. *Международная аналитика* (4): 18-27. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27.
6. Дерябин Ю.С. (2003) Все ли так спокойно на севере Европы? (Некоторые проблемы военно-политической безопасности в регионе). *Современная Европа* (4): 68-78.
7. Из беседы на выставке финской промышленности. Хельсинки, 26 октября 1987 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 469-470.
8. Из беседы с Гру Харлем Брундтланд. Осло, 5 июня 1991 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 480-484.
9. Из беседы с Ингваром Карлссоном. Стокгольм, 6 июня 1991 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 485-486.
10. Из беседы с Мауно Койвисто. Москва, 6 октября 1987 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 465-468.
11. Кавешников Н.Ю. (2008) "Малые и вредные"? *Международные процессы* 6(3): 84-92.
12. Комаров А.А. (2008) Шведский нейтралитет как элемент шведской идентичности: взгляд из России. *Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности*. М.: РГГУ, сс. 145-154.
13. Комиссаров Ю. (1985) *«Линия Паасикиви-Кекконена»: история, современность, перспективы*. – Москва, Международные отношения, 176 с.
14. Оленченко В.А. (2023) Политические технологии отделения от СССР как источник современной антироссийской политики стран Прибалтики. *Гражданин. Выборы. Власть* 27(1):143-158.

15. Петренко А.И. (2007) Политика Швеции в отношении стран Балтии (1990–1994). *Северная Европа. Проблемы истории* (6):254–273.
16. Портнягина М.Д. (2012) «Балтийский» вопрос в двусторонних отношениях СССР и ФРГ: 1989–1991 гг. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные Отношения* (2):121–125.
17. Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. (2012) Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. Москва, Национальный институт исследований глобальной безопасности, 88 с.
18. Clemmesen M.H. (2019) Our Resilient Estonia. In: Olesen J. E. (ed.) *Denmark and Estonia 1219–2019. Select Studies on Common Relations*. Greifswald, Druckhaus Panzig, pp. 343–370.
19. Dahl A.-S. (2008) *US Policy in the Nordic-Baltic Region during the Cold War and After*. Stockholm, Santerus Academic Press Sweden, 114 p.
20. Haas S. (2022) Change and Continuity: Strategic Adaptation in Sweden and Finland in Response to the 2014 Ukraine Conflict. In: Bogren O. (ed.) *Krigsvetenskap 2022. Årsbok inom ramen för militära programutbildningen*. Försvarshögskolan, pp. 83–95.
21. Hirschi C., Widmer T. (2010) Policy Change and Policy Stasis: Comparing Swiss Foreign Policy toward South Africa (1968–94) and Iraq (1990–91). *Policy Studies Journal* 38(3): 537–563. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2010.00373.x.
22. Honkanen K. (2002). *The Influence of Small States on NATO Decision-Making. The Membership Experiences of Denmark, Norway, Hungary and the Czech Republic*. Totalförsvarets forskningsinstitut, Användarrapport, 130 p.
23. Iversen M.H. (2002) Laksko og gummistøvler: Kampen mellem Udenrigsministeriet og Erhvervsministeriet om eksportfremmearbejdet. *Politica* 34(3): 313–330.
24. Jensen-Eriksen N. (2019) The Northern Front in Technological Cold War: Finland and the East-West Trade in the 1970s and 1980s. *Journal of Cold War Studies* 21(4): 15–174. DOI: 10.1162/jcws_a_00909.
25. Jóhannesson G. (2016) Icelandic Support for Baltic Independence: Myth, Memory and Detachment. *Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal* 157/158 (3/4): 431–445. DOI: 10.12697/AA.2016.3–4.05
26. Kizlari D., Fouseki K. (2017). The Mechanics of Cultural Diplomacy: A Comparative Case Study Analysis from the European Context. *The Journal of Arts Management, Law, and Society* 48(2): 133–147. DOI: 10.1080/10632921.2017.1409148
27. Lanko D.A. (2021) Finlandization, Neutrality, or Kekkosllovakia? Paasikivi–Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War. *Journal of International Analytics* 12(3):139–153. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153.
28. Lehti M. (2006) Eastern or Western, New or False? Classifying the Balts in the Post-Cold War Era In: Tassinari F., Joenniemi P., Jakobsen U. (eds.) *Wider Europe. Nordic and Baltic Lessons to Post-enlargement Europe*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, pp. 69–88.
29. Lukkari M. (1996) *Viron itsenäistyminen*. Otava, Helsinki, 284 p.
30. Lundén T. (2021). Turning Towards the Inland Sea? Swedish «Soft diplomacy» Towards the Baltic Soviet Republics Before Independence. *Scandinavian Journal of History* 47 (3): 347–368. DOI: 10.1080/03468755.2021.1896576
31. Moisio S. (2008) Finlandisation versus Westernisation: Political Recognition and Finland's European Union Membership Debate. *National Identities* 10(1): 77–93. DOI: 10.1080/14608940701819785.
32. Nordiskt samarbete i kalla krigets kölvatten. Vitnesseminarium med Uffe Ellemann-Jensen, Mats Hellström och Pär Stenbäck. Johan Strang och Norbert Götz (red.) (2016) Samtidshistoriska institutet, Samtidshistoriska frågor № 33, 107 p.
33. Nørgaard O. (1998) Danish Policy in the Baltic Sea Area 1945–1989: Looking at the Past through the Eyes of the Present. In: Arteus G., Heurlin B. (eds.) *German and Danish Security Policies towards the Baltic Sea Area 1945 Until Present*. Danish Institute of International Affairs, National Defence College of Sweden, Försvarshögskolans Acta B6, pp. 70–87.

34. Olesen M. R. (2022) The Beginnings of Danish Foreign Policy Activism: Supporting Baltic Independence 1990–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(4): 370–390. DOI: /10.1080/03468755.2022.2034664.
35. Penttilä R. E. J. (1994) *Finland's Security in a Changing Europe: A Historical Perspective*. Helsinki, National Defence College, 77 p.
36. Ritvanen J.-M. (2020) The Change in Finnish Baltic Policy as a Turning Point in Finnish–Soviet Relations. Finland, Baltic Independence and the End of the Soviet Union 1988–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 1–20. DOI: 10.1080/03468755.2020.1765861.
37. Ritzmann A. (2023) *Transnational Linkages between Violent Right-Wing Extremism, Terrorism and Organized Crime*. Counter-Extremism Project, 135 p.
38. Saxi H.L. (2011) Norsk og dansk forsvarspolitik ketter den kalde krigen: Mellom geopolitikk og strategisk kultur. *Internasjonal Politikk* 69(1): 37–57.
39. Singh N., Lee W. (2011). Survival from Economic Sanctions: a Comparative Case Study of India and North Korea. *Journal of Asian Public Policy* 4(2): 171–186. DOI: 10.1080/17516234.2011.595910.
40. Uutela M. (2021) Looking for Nordic Allies. The Interest of The Kohl Government in Enlarging the European Community to The North 1985–1992. *Scandinavian Journal of History* 46(1): 696–712. DOI: 10.1080/03468755.2021.1938209.
41. Walter T.E. (2018) The Norwegian View. In: Arteus G., Kent Z. (eds.) *Cold War Views on Sweden*. Medströms Bokförlag, pp. 47–77.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2

THE LESSONS OF NORDIC STATES' FOREIGN POLICY IN THE BALTIC REGION 1989–2004: RELEVANT ANALOGIES

Nikita E. BELUKHIN –Junior Research Fellow, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS); Participant, RSF Project No. 20-78-10159, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7505-2356. E-mail: belukhin@imemo.ru
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Dr. Vladislav V. VOROTNIKOV –Associate Professor, Acting Head, Department for European and American Studies; Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO–University.

ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements: The article was supported by the Russian Science Foundation grant № 20-78-10159 "The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: The Peculiarity of Influence on Security Policy (on the Example of the Scandinavian-Baltic Region States)" (<https://rscf.ru/project/23-78-50012/>).

Received August 8, 2024

Accepted November 18, 2024

Abstract: The article is devoted to the comparative case-study of the relations between the Nordic and Baltic countries in 1989–2004 and with Ukraine from 2014 to the present day. The aim of the article is to identify change and continuity trends in Nordic states foreign policies and their tasks towards the post-Soviet space. The research is based on the published sources of the Gorbachev Foundation, documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation and the memoirs of Brigadier General Michael H. Klemmesen, who was in charge of the military cooperation between Denmark and the Baltic countries in the 1990s. During the ending stage of the Cold War and in the context of growing contacts between Northern European states and the newly independent Baltic states, the Nordic balance and the constant interaction of the Nordic countries with the EU and NATO remained highly important. In both cases regarding the support for the Baltic countries during the collapse of the USSR and the weakening of Russia, and with the start of a Special military operation of the Russian Federation in Ukraine, the countries of Northern Europe despite the fundamentally different security situations took similar steps to abandon previous prudence, to revise foreign policy and defense concepts and expand cooperation with the EU and NATO as pillars of the Euro-Atlantic community. The main driving force behind providing military assistance to the Ukraine and contemporary Baltic-Scandinavian cooperation remains the same as in 1989–2004 that is to counter Russia and limit its sphere of influence.

Keywords: Finlandization, Baltic countries, Baltic region, neutrality, Nordic countries, special military operation (SMO), regional identity, European security, total defense, strategic culture

References:

1. AVP RF. F. 0140. OP. 60. P. 222. D. 2. L.3–16. [The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fond. 0140. Index. 60. Folder. 222. Case. 2. Sheets. 3–16] *Shvecija I plany sozdaniya Severnogo jekonomicheskogo sojuza. Politicheskoe pis'mo. [Sweden and The Plans to Create Nordic Economic Community]*. 22 April, 1969. (In Russian).
2. AVP RF. F. 0140. OP. 60. P. 222. D. 2. L.40–55. [The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fond. 0140. Index. 60. Folder. 222. Case. 2. Sheets. 40–55] *Itogi XXIV s'ezda social-demokraticheskoy partii Shvecii. Politicheskoe pis'mo [The Results of the 24th Conference of the Social-Democratic Party of Sweden]*. 13 November, 1969. (In Russian).
3. Clemmesen M.H. (2019) Our Resilient Estonia. In: Olesen J. E. (ed.) *Denmark and Estonia 1219–2019. Select Studies on Common Relations*. Greifswald, Druckhaus Panzig, pp. 343–370.
4. Dahl A.-S. (2008) *US Policy in the Nordic-Baltic Region during the Cold War and After*. Stockholm, Santerus Academic Press Sweden, 114 p.
5. Derjabin Ju.S. (2003) Vse li tak spokojnona severe Evropy? (Nekotorye problem voenno-politicheskoy bezopasnosti v regione). [Is Everything Really So Quite in The North of Europe? (Some Issues of Military and Poltical Security in the Region)] *Sovremennaja Evropa [Contemporary Europe]*(4): 68–78. (In Russian).
6. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. (2012) *Kirkenesskaya Deklaraciya o sotrudnichestve v Barencevom/ Evroarkticheskom regione: vzglyad iz Rossii 20 let spustya [The Kirkenes Declaration about Cooperation in the Barents/EuroArctic Region: View From Russia 20 Years Later]* Moskva, Nacional'nyj institute issledovanij global'noj bezopasnosti, 88 p. (In Russian).
7. Hirschi C., Widmer T. (2010) Policy Change and Policy Stasis: Comparing Swiss Foreign Policy toward South Africa (1968–94) and Iraq (1990–91). *Policy Studies Journal* 38(3): 537–563. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2010.00373.x.
8. Honkanen K. (2002). *The Influence of Small States on NATO Decision-Making. The Membership Experiences of Denmark, Norway, Hungary and the Czech Republic*. Totalförsvarets forskningsinstitut, Användarrapport, 130 p.

9. Haas S. (2022) Change and Continuity: Strategic Adaptation in Sweden and Finland in Response to the 2014 Ukraine Conflict. In: Bogren O. (ed.) *Krigsvetenskap 2022. Årsbok inom ramen för militära programutbildningen*. Försvarshögskolan, pp. 83–95.
10. Iversen M.H. (2002) Laksko og gummistøvler: Kampen mellem Udenrigsministeriet og Erhvervsministeriet om eksportfremmearbejdet. *Politica* 34(3): 313–330.
11. Iz besedy na vystavke finskoj promyshlennosti. Hel'sinki, 26 oktjabrja 1987 g. [Excerpts from the Conversation at the Exhibition of the Finnish Industry. Helsinki, the 26th of October 1987] *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam* [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 469–470. (In Russian).
12. Iz besedy s Gru Harlem Brundtland. Oslo, 5 ijunja 1991 g. *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. [Excerpts from the Conversation with Gru Harlem Brundtland. Oslo, the 5th of June 1991] Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam. [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 480–484. (In Russian).
13. Iz besedy s Ingvarom Karlssonom. Stokgol'm, 6 ijunja 1991 g. *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. [Excerpts from the Conversation with Ingvar Karlsson. Stockholm, the 6th of June 1991] Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 485–486. (In Russian).
14. Iz besedy s Mauno Kojvisto. Moskva, 6 oktjabrja 1987 g. [Excerpts from the Conversation with Mauno Koivisto. Moscow, the 6th of October 1987] *Otvechaja na vyzovvremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 465–468. (In Russian).
15. Jensen-Eriksen N. (2019) The Northern Front in Technological Cold War: Finland and the East-West Trade in the 1970s and 1980s. *Journal of Cold War Studies* 21(4): 15–174. DOI: 10.1162/jcws_a_00909.
16. Jóhannesson G. (2016) Icelandic Support for Baltic Independence: Myth, Memory and Detachment. *Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal* 157/158 (3/4): 431–445. DOI: 10.12697/AA.2016.3–4.05.
17. Kaveshnikov N.Y. (2008) "Malye" i "vrednye"? ["Small" and "harmful"?]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]* 6(3): 84–92. (In Russian).
18. Kizlari D., Fouseki K. (2017) The Mechanics of Cultural Diplomacy: A Comparative Case Study Analysis from the European Context. *The Journal of Arts Management, Law, and Society* 48(2): 133–147. DOI: 10.1080/10632921.2017.1409148.
19. Komarov A.A. (2008) Shvedskij nejtralitet kak jelement shvedskoj identichnosti: vzgljad iz Rossii. [The Swedish Neutrality as an Element of The Swedish Identity: The View from Russia]. *Shvedy. Sushhnost' i metamorfozy identichnosti. [The Swedes. The Essence and The Metamorphoses of the Identity]*. M.: RSUH, pp. 145–154. (In Russian).
20. Komissarov Y. (1985) «Liniya Paasikivi-Kekkonena»: istoriya, sovremennost', perspektivy. [The Line of Paasikivi-Kekkonen]: History, Current State, Prospects]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 176 p. (In Russian).

21. Lanko D.A. (2021) Finlandization, Neutrality, or Kekkoslovakia? Paasikivi–Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War. *Journal of International Analytics* 12(3): 139–153. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153.
22. Lehti M. (2006) Eastern or Western, New or False? Classifying the Balts in the Post-Cold War Era In: Tassinari F., Joenniemi P., Jakobsen U. (eds.) *Wider Europe. Nordic and Baltic Lessons to Post-enlargement Europe*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, pp. 69–88.
23. Lukkari M. (1996) *Viron itsenäistyminen*. Otava, Helsinki, 284 p.
24. Lundén T. (2021). Turning Towards the Inland Sea? Swedish «Soft diplomacy» Towards the Baltic Soviet Republics Before Independence. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 347–368. DOI: 10.1080/03468755.2021.1896576
25. Moisio S. (2008) Finlandisation versus Westernisation: Political Recognition and Finland's European Union Membership Debate. *National Identities* 10(1): 77–93. DOI: 10.1080/14608940701819785.
26. Nordiskt samarbete i kalla krigets kölvatten. Vitnesseminarium med Uffe Ellemann-Jensen, Mats Hellström och Pär Stenbäck. Johan Strang och Norbert Götz (red.) (2016). Samtidshistoriska institutet, Samtidshistoriska frågor N° 33, 107 p.
27. Nørgaard O. (1998) Danish Policy in the Baltic Sea Area 1945–1989: Looking at the Past through the Eyes Of the Present. In: Arteus G., Heurlin B. (eds.) *German and Danish Security Policies towards the Baltic Sea Area 1945 Until Present*. Danish Institute of International Affairs, National Defence College of Sweden, Försvarshögskolans Acta B6, pp. 70–87.
28. Olenchenko V.A. (2023) Politicheskie tehnologii otdelenija ot SSSR kak istochnik sovremennoj antirossijskoj politiki stran Pribaltiki. [The Political Technologies of Separation from the USSR as a Source Of Modern Anti-Russian Policy Of The Baltic Countries] *Grazhdanin. Vybory. Vlast' [Citizen. Elections. Power]* 27(1): 143–158. (In Russian).
29. Olesen M.R. (2022) The Beginnings of Danish Foreign Policy Activism: Supporting Baltic Independence 1990–1991. *Scandinavian Journal of History*. 47(4): 370–390. DOI: 10.1080/03468755.2022.2034664.
30. Penttilä R.E.J. (1994) *Finland's Security in a Changing Europe: A Historical Perspective*. Helsinki, National Defence College, 77 p.
31. Petrenko A.I. (2007) Politika Shvecii v otnoshenii stran Baltii (1990–1994). [The Policy of Sweden Towards the Baltic Countries in 1990–1994] *Severnaia Evropa. Problemy istorii. [Northern Europe. The Problems of History]*. M.: Nauka, (6): 254–273. (In Russian).
32. Portnjagina M.D. (2012) «Baltiiskij» vopros v dvustoronnih otnoshenijah SSSR i FRG: 1989–1991 gg. [The «Baltic» Question in the Bilateral Relations of the USSR AND FRG: 1989–1991]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye Otnoshenija [Vestnik of Saint Petersburg University. The 6th Series: Philosophy. Political Science. Law. International Relations]* (2): 121–125. (In Russian).
33. Ritvanen J.-M. (2020) The Change in Finnish Baltic Policy as a Turning Point in Finnish–Soviet Relations. Finland, Baltic Independence and the End of the Soviet Union 1988–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 1–20. DOI: 10.1080/03468755.2020.1765861.
34. Ritzmann A. (2023) *Transnational Linkages between Violent Right-Wing Extremism, Terrorism and Organized Crime*. Counter-Extremism Project, 135 p.
35. Saxi H.L. (2011) Norsk og dansk forsvarspolitik ketter den kalde krigen: Mellom geopolitikk og strategisk kultur. *Internasjonal Politikk* 69(1): 37–57.
36. Singh N., Lee W. (2011). Survival from Economic Sanctions: a Comparative Case Study of India and North Korea. *Journal of Asian Public Policy*. 4(2):171–186. DOI: 10.1080/17516234.2011.595910.
37. Uutela M. (2021) Looking for Nordic Allies. The Interest of The Kohl Government in Enlarging the European Community to The North 1985–1992. *Scandinavian Journal of History* 46(1): 696–712. DOI: 10.1080/03468755.2021.1938209.

38. Voronkov L.S. (2016) [*«Severnoe sotrudnichestvo» i osobennosti severoevropskoj integracii*] «Nordic cooperation» and Special Characteristics of the Integration in Northern Europe. M.: Publishing House «MGIMO-University», 340 p. (In Russian).
39. Voronov K.V. (1999) Strany Severa i novaja transformacija sistemy evropejskoj bezopasnosti v postbipoljarnyj period (1990–e gody) [The Nordic Countries and the New Transformation of the European Security System in the 1990s]. *Severnaja Evropa. Problemy istorii* [Northern Europe. The Problems of History] (3): 265–284. (In Russian).
40. Vorotnikov V.V. (2017) Otnoshenija stran Skandinavsko-Baltijskogo regiona i Ukrainy: voenno-politicheskoe i jekonomicheskoe izmerenija. [Relations between the Scandinavian-Baltic Region States and Ukraine: Military-Political and Economic Dimensions] *Mezhdunarodnaia analitika* [Journal of International Analytics] (4): 18–27. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27. (In Russian).
41. Walter T.E. (2018) The Norwegian View. In: Arteus G., Kent Z. (eds.) *Cold War Views on Sweden*. Medströms Bokförlag, pp. 47–77.